

572/0
Э-9

Годъ 16-й.

Кн. LX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

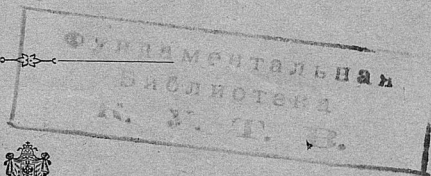
1904, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. Ф. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя Н. О. Гюгана.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммиссионеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1904.

сп. 110045 (724)

Г. Т. Хохловъ. Путешествіе уральскихъ казаковъ въ „Бѣловодское царство“. Съ предисловіемъ В. Г. Короленка. Спб. 1903. 8°. 112 стр. («Записки Имп. Русск. Геогр. Об-ва по отдѣленію Этнографіи. Т. XXVIII, вып. 1).

И самый фактъ путешествія трехъ казаковъ въ апокрифическое «Бѣловодское царство», описаннаго Г. Т. Хохловымъ, и это выдающееся по содержанію описаніе путешествія, и ихъ общія мысли, которыя высказалъ по этому поводу авторъ предисловія, являются весьма интересными для русскаго этнографа. Остановимся вкратцѣ на сути дѣла.

Старобрядцы, расколотившіеся на разные «толки» и «согласія», въ теченіе ряда вѣковъ остаются неудовлетворенными въ вопросѣ «іерархіи», идущей непогрѣшимо отъ апостоловъ: ни никсіанскіе поны («не исправленные»), ни «бѣлое священство» бѣглопоповцевъ, не имѣющее правъ іерархической передачи, ни бѣлокришчяка іерархія (австрійскія), ведущая свое начало отъ босносараевскаго митрополита Амвросія, о которомъ есть много сомнѣній у самихъ старообрядцевъ,—не соответствующую ревностно-христіанскимъ понятіямъ старообрядцевъ объ «истинной вѣрѣ» и «правильной» церкви. Этотъ больной вопросъ раздражаетъ старообрядцевъ, среди которыхъ появились и вѣрующіе въ конецъ міра и «никудашники» (въ томъ числѣ и всѣ три путешественника въ «Бѣловодское царство»), и многіе другіе; но появились и проповѣдники идеи о существованіи на землѣ «правильной» церкви. Въ числѣ такихъ проповѣдниковъ называютъ инока Марка, «который будто бы самъ съ двумя товарищами путешествовалъ черезъ китайское государство и достигъ этихъ острововъ (Японскихъ, Саидвичевыхъ и Аланскихъ) и Бѣловодіи»; тамъ «народы цвѣтутъ христіанскимъ благочестіемъ отъ проповѣди Фомы апостола». «Някудашники» въ 60-хъ годахъ составляли нѣсколько съѣздовъ для отправленія депутаціи въ «Бѣловодію». Но до прорытія Суэцкаго канала депутація не рѣшалась подвергаться опасности океанскаго путешествія. Наконецъ, казакъ В. Барышниковъ и два его товарища добрались до г. Бомбей на Малабарскомъ берегу, но дальше явились препятствія, и они вернулись. Послѣ этого въ Пермской губерніи явился лжеархіепископъ Аркадій, который назвался «Бѣловодскимъ». Много вызывалъ онъ сомнѣній въ истинности своего бѣловодскаго священства, но желаніе знать «правильную» церковь было такъ велико, что рѣшили, если не повѣрить Аркадію, то провѣрить его. 25 января 1898 года состоялся съѣздъ въ Кирсановскомъ поселкѣ и рѣшили отправить для отысканія благочестивыхъ странъ депутацію изъ трехъ казаковъ: О. В. Барышникова, В. Д. Максимычева и Г. Т. Хохлова; на расходы собрали 2.600 рублей. 22-го мая депутація, получивъ заграничные паспорты, выѣхала. Побывали они дорогой въ южно-русскихъ городахъ, затѣмъ въ Константинополь, Санъ-Стефано, Дарданеллахъ, Афонѣ, Салоникахъ, Смирнѣ, Хіо, Патмосѣ, Лемносѣ, Ларнакѣ, Бейрутѣ, Сидонѣ, Тирѣ, Акрѣ, Еяфѣ, Яфѣ и Иерусалимѣ; объѣздивъ Палестину, депутація изъ Яффы отплыла въ Портъ-Саидъ, оттуда на французскомъ пароходѣ черезъ Суэцкій каналъ на о. Цейлонъ, въ г. Коломбо, далѣе на Суматру, Малакку, Спн-

гапуръ, въ Сайгонъ, въ Гонгъ-Конгъ, Шанхай, въ Япоцію (Нагасаки); изъ Японіи, черезъ Владивостокъ, Хабаровскъ, по Амуру и далѣе до Иркутска, отсюда по желѣзной дорогѣ на родину. Помимо главной цѣли—отысканія Бѣловодіи—путешественники имѣли и другую—узнать доподлинно отъ константинопольскаго патріарха, при какихъ іерархическихъ правилахъ новосаравскій митрополитъ Амвросій оставилъ кафедру въ Босніи. Разочарованные вернулись они изъ поисковъ Бѣловодіи, не получили отвѣта и отъ патріархата.

Всѣ эти факты сами по себѣ имѣютъ огромное значеніе: они свидѣтельствуютъ о необыкновенной искренности искавшихъ правды на землѣхъ и о колоссальной силѣ религіознаго духа у нашихъ старообрядцевъ. Много такихъ ревнителей, правда, было и въ древней Руси: игумень Даниль (XII в.), новгор. архіепископъ Антоній, новгородецъ Стефанъ (1350 г.), смоленскій діакопъ Игнатій (1387 г.), іеродіакопъ Зосима, гость Василій (1465—1466), Трифонъ Коробейниковъ, Юрій Грековъ (оба 1583 г.) и многіе другіе. Святая земля, въ которой страдалъ Христосъ, манила ихъ такъ же, какъ теперь манитъ «никудашниковъ» «Бѣловодское царство». Правда, Палестина не была созданіемъ религіозной фантазіи; но зато всѣ апокрифическія сказанія о ней ничѣмъ не отличаются отъ фантазіи «никудашниковъ», съ одинаковой наивностью разсуждавшихъ и о древѣ Закхея, и о «Бѣловодіи» за Гонгъ-Конгомъ у рѣки Кіанга. Кромѣ того, религіозное воображеніе, раздраженное на апокрифахъ, претворяло въ «правду» и многія народныя легенды, источники которыхъ лежатъ гораздо дальше христіанства. Припомнимъ хотя бы древнюю идею о раѣ на землѣхъ, идею, встрѣчающуюся не только въ Ветхомъ Завѣтѣ, но и въ религіозномъ культѣ многихъ языческихъ народовъ. Въдѣ и эта идея подвинула многіе древніе умы не только на созданіе апокрифовъ, но и на богословскій диспутъ, напр., двухъ видныхъ представителей русской церкви XIV вѣка—новг. архіепископа Василія и твер. еп. Феодора; тоже и Іоаннъ Дамаскинъ имѣлъ представленіе о земномъ раѣ на основаніи богословскихъ соображеній. Мало того, были и искатели этого рая: Моиславъ новгородецъ и сынъ его Яковъ находили мѣсто святаго рая; нечего ужъ, конечно, говорить о средневѣковыхъ западныхъ легендахъ вплоть до путешествія Іоанна de Hese въ 1489 г., который всѣ стремится помѣстить рай на востокъ—въ Индіи, за Индіей и т. д.

Думается, что всѣ эти древнія представленія, стремленія и надежды должны были оставить сильный слѣдъ въ старообрядческой средѣ, гдѣ отвергнута была европейская культура, хлынувшая къ намъ черезъ балтійское «окно»,—средѣ, гдѣ вся образованность, весь кругъ идейныхъ интересовъ пошли назадъ, къ первымъ полухристіанскимъ, полуапокрифическимъ вѣкамъ съ полной вѣрой въ правоту старины. Объ этихъ слѣдахъ намеками, отдаленно говорить и В. Г. Короленко. Почтенный писатель указываетъ на совпаденіе именъ Марка и Фомы въ двухъ сказаніяхъ, а именно, маршрутъ инока Марка напоминать о путешествіи никѣ Марко-Поло (XIII в.): инокъ Маркъ говорить, что въ Бѣлово

дін христіанство процвѣло отъ апостола Фомы, Марко-Поло тоже упоминалъ о странѣ, гдѣ жилъ и умеръ ап. Фома, признаваемый одинаково за святого и христіанами и сарацинами. Конечно, это только намеки на литературное происхождение легенды о Бѣловодіи; гораздо больше этихъ литературныхъ апокрифическихъ источниковъ находится въ той старой культурѣ, которой придерживаются старообрядцы (особенно на Уралѣ). У насъ только мало изслѣдовать этотъ оригинальный элементъ русскаго народа, а потому трудно и говорить о всѣхъ стадіяхъ развитія народной мысли и народныхъ представленій въ этой замкнутой средѣ людей, особенно поглядывающихъ на «никоніановъ», чужихъ «европейцевъ» и «египтянъ». Русская этнографія сдѣлала бы огромное дѣло, если бы сумѣла вызвать у старообрядцевъ довѣріе къ своимъ безпристрастнымъ приемамъ изслѣдованія и занялась бы ими, какъ и прочими этническими группами русскаго государства.

Остается еще сказать о характерѣ содержанія дневника Г. Т. Хохлова. Прежде всего съ неослабѣвающимъ интересомъ читаешь этотъ дневникъ главу за главой, какъ, можетъ быть, не читалъ бы и выдающихся писателей: авторъ мастерски владѣетъ языкомъ, своеобразнымъ стильнымъ языкомъ начертчика свѣтской формации; авторъ наблюдателенъ, остроуменъ, хорошо владѣетъ мѣрой разсказа, выдерживаетъ настроеніе; съ другой стороны такъ и проглядываетъ простая натура никудышника-казака, то ловкаго и смѣтливаго въ практической жизни, то наивно размышляющаго объ отвлеченныхъ предметахъ, то, наконецъ, терпѣливо и даже иногда угодливо исполняющаго волю начальствующихъ. Отъ всего описанія такъ и вѣетъ то Аванасіемъ Никитинымъ, то игуменомъ Данииломъ и прочими скитальцами древней Руси: все темы для нихъ интересны; на все у нихъ есть свой взглядъ, обо всемъ они высказываются занимательно, иногда остроумно, а иногда наивно, и вѣдъ все это безызнанія иностранныхъ языковъ: «только немного начнемъ понимать мѣстное нарѣчіе и уже уѣзжаешь дальше, а тамъ уже иной народъ, иное нарѣчіе».

Г. Т. Хохловъ обстоятельно описываетъ и поводы къ путешествію, и самый путь, мѣстами записитъ и свои разсужденія. Онъ ведетъ разговоръ съ турками, греками, французами, туземцами Индіи, Индокитая, Китая и Японіи; описываетъ природу, города, нравы, обычаи, приключенія; наводитъ самъ на кое-что критику. Словомъ, это — очень приятный и занимательный путешественникъ конца XIX вѣка.

Наука должна быть очень благодарна В. Г. Короленку за то, что онъ обнаружилъ ей столь цѣнное народное произведеніе.